

порывовъ», какъ его предшественники,—Иртенъевъ, Нехлюдовъ, Оленинъ, кн. Андрей, но онъ еще менѣе дѣлаетъ это по отношенію къ своимъ «слабостямъ.» Онъ чуждъ жалкой черты своего общества—тщеславія, суетности, болѣзненнаго честолюбія, алчности и мелочности, возведенныхъ на степень «красоты» («красивыя цѣли жизни», красивыя «должности», и т. п.)... Вотъ почему онъ—*чудакъ* въ своей средѣ, въ своемъ обществѣ... вотъ почему его любятъ хорошія, свѣжія и неиспорченныя еще натуры, какъ Наташа, Мари, позднѣйшій кн. Андрей. Онъ—*чудакъ* совершенно безъ всякой задней мысли... Онъ открытъ, великодушенъ, добрякъ и не матерьяленъ; онъ не ищетъ карьеры, хотя его къ этому и принуждаютъ его опекуны, не гонится за виѣшними успѣхами, блескомъ, комильфотностью... Онъ просто,—добрый, честный и простой искренній человѣкъ. И этой то своей простотою, этою-то искренностью онъ и выдѣлился изъ своего круга съ его тяжелой, искусственной атмосферой,—вотъ почему онъ и «чудакъ», ибо онъ *оригиналенъ*, а оригинальность можетъ стоять выше или ниже толпы, но никогда—на равнѣ съ нею... Чудакъ для *своего* общества,—онъ для другаго круга, для другой, болѣе здоровой среды можетъ вовсе и не представляться таковымъ. Пьеръ—прототипъ Левина, отъ перваго ко второму переходъ самый незначительный, хотя по времени, раздѣляющему ихъ воспроизведеніе въ художественной формѣ, онъ и представляется продолжительнымъ.

Л е в и н ъ.

„Есть міръ, въ немъ мы развиваемся; какія судьба постигнетъ насъ, все равно (да и судьбы вовсе нѣтъ); дѣло все въ томъ, чтобы мы пришли въ себя,—остальное безразлично.“

Rachel.

Левинъ весь—олицетворенное стремленіе къ искренности, къ искренности чувствъ и мыслей, задатки которой въ немъ